

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ПЕТРОМ ШТОМПКОЙ

А. Резаев: *Здравствуйте, профессор. Мы рады возможности поговорить с вами в рамках проекта, который вы проводите совместно с факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета здесь, в Райволе, в 60 км от Петербурга, с замечательными участниками из стран бывшего Советского Союза. Мой первый вопрос звучит следующим образом: Кто такой Петр Штомпка?*

Здравствуйте. Прежде чем ответить на вопрос, я хочу сказать, насколько я рад быть здесь со студентами, с вами, в этом прекрасном месте. Я особенно впечатлен уровнем образования ваших студентов в различных областях социологии, их готовностью учиться, их заинтересованностью. Очень увлекательно узнавать новое от них, ведь они приехали из разных частей бывшего Советского Союза, разных республик, у них разный опыт посткоммунистических трансформаций и разные культурные корни. Это очень познавательно для моего понимания изменения, огромного социального изменения от коммунистической системы к западному типу рыночного капитализма и демократической политике. Я пытался представить студентам некоторые теоретические идеи, но должен признаться, что сам сделал многие наблюдения и получил новый опыт. Поэтому я рассматриваю это как взаимовыгодный обмен, я, возможно, что-то дал вам и вашим студентам, но я почерпнул что-то и от них. Итак это... это начало, это напрямую связано с вашим вопросом, который является настолько общим, что потребует целый день для интервью, а не один час. Но прежде всего я университетский человек. Мой мир —

это студенты, и мой мир — это книги. В этом и состояла вся моя жизнь и карьера. Лучше всего я себя ощущаю в окружении молодых пытливых умов и в этом научном климате. Я посвятил мою карьеру, мою жизнь главным образом этим вещам. Если вы меня спрашиваете: «кто такой Петр Штомпка?» — он профессор социологии Краковского университета в Польше. Это мой дом, я всегда был там. Но мне посчастливилось побывать и во многих других странах мира. Я однажды подсчитал, что у меня был какой-либо профессиональный социологический опыт, в том числе преподавание, конференции и другие цели поездок, в 24 странах на четырех континентах. Я довольно часто преподавал в США, но также и в Тасмании, расположенной близко к Антарктике. Я преподавал во многих странах Европы, но также и в Аргентине, Мексике. Мне кажется, это очень важно для понимания мира. Но при этом я всегда возвращаюсь домой. Знаете, дом — это место, куда ты возвращаешься. Дом — это место, где у тебя есть твои привязанности, где у тебя есть твоя вера, доверие. Мой дом это Польша, мой дом это Краков — старая столица страны, историческая столица. И мой дом... мой академический дом — это один из старейших университетов Европы, Ягеллонский университет, которому сейчас уже 635 лет. Как вы понимаете, во времена коммунизма люди стремились эмигрировать. Некоторые из моих коллег, выдающихся социологов, эмигрировали и жили в западных странах. Но я чувствовал — чтобы кем-то быть в мире, нужно иметь корни в своем сообществе или в своей стране. Я никогда не думал об эмиграции. Я хотел быть в мире, но оставаться в своей стране в то же время. Должен признаться, я чувствую себя счастливым, потому что мне в некотором смысле удалось этого достигнуть.

А. Р.: Профессор, один из вопросов, который может интересовать наших читателей, занимающихся социологией, касается вашей текущей научной деятельности. Будучи президентом Международной социологической ассоциации, вы говорили, что стараетесь привлечь внимание социологического мира к новому парадигмальному изменению, повороту, названному вами «социология повседневной жизни». Как вы пришли к этой идее? Что за ней стоит? Считаете ли вы на самом деле, что этот парадигмальный поворот даст новый импульс, обусловит новую динамику развития социологии? Как это связано с дискуссиями относительно макро и микро в социологии сегодня?

Да. Это прекрасный вопрос, так как он касается длительной интеллектуальной эволюции. Я шел от очень абстрактной макрорефлексии, рефлексии о социальных формациях, социальных системах. Я очень плотно занимался Карлом Марксом и идеями об изменении общества на высшем этапе исторического развития, которые меня очень интересовали. Моя первая книга представляет собой данный тип системного анализа. Но, даже изучая социальные

изменения, я испытывал интерес и к микросоциологическим изменениям, происходившим во время великой революции, больших трансформаций цивилизаций, культур. Так, мой учебник «Социология социальных изменений», опубликованный на 8 языках, в том числе и на русском, посвящен главным образом рассмотрению процессов изменений на том уровне, где они представляются как явления, протекающие независимо и автономно. После я больше думал о конкретных эмпирических путях осуществления этих больших процессов, в каких социальных системах они формируются, где происходят великие социальные изменения. Мне довелось быть свидетелем одного из величайших революционных изменений в современной истории, а именно перехода от коммунистической системы к западному рыночному капитализму и демократии — и я наблюдал это в моей собственной стране, в моей собственной лаборатории социальных изменений. Наблюдая за этим, я стал спрашивать себя: «Как это случилось? Как в действительности это происходит?» Позднее, после того как изменения случились, мы можем провести различные линии и показать революционную трансформацию, происходившую годами, веками, модернизацию, или вестернизацию, или другие крупные процессы. Но что стоит за ними? Мой опыт революционных изменений в моей собственной стране ясно показал, что все это зависит от людей, все зависит от их действий, от их мотивации, их мобилизации, их возможности объединиться и совместно делать что-то на основе общих ценностей, общих идей. Все значительные социальные изменения могут быть обнаружены на самом простом уровне межличностных коммуникаций, в малых группах, социальных движениях и т.д. Именно здесь социальные изменения и берут свое начало. Это привело меня к идее социального становления (*social becoming*): каким образом происходит постоянная трансформация обществ, как люди изменяют общества посредством своих действий и мобилизации, включая все уровни человеческой деятельности, выражаясь научным языком. Это и простые люди в их повседневной жизни, но это и люди, объединенные в ассоциации, дискуссионные клубы, неправительственные организации — во все те формы активности, которые подпадают под понятие «гражданское общество». Это также уровень запланированных действий, политики правительств, политических партий, и уровень лидеров и влиятельных харизматичных людей, которые способны выражать некоторые тенденции изменений и направлять их. Таким образом, все уровни человеческой деятельности включены в этот процесс, однако социальные изменения происходят только при условии их взаимосвязанности. Я думаю, что недостаточно иметь лидеров, даже самых лучших лидеров, если у них нет достаточной поддержки обычных людей, общественных низов. И наоборот, невозможно осуществить большие социальные изменения посредством неуправляемой, хаотичной деятельности людей, скорее это будет походить

на анархию. Необходимы оба фактора. Когда оба фактора объединяются, то могут произойти и великие социальные изменения. В моей стране присутствовали оба фактора. В начале 1980-х годов люди уже были мобилизованы в демократические движения, появилось большое демократическое движение против существовавшего режима, а также были лидеры, в частности Лех Валенса, лидер рабочего класса, народный герой, который смог мобилизовать людей. На пике событий он смог мобилизовать 10 миллионов людей в стране с населением около 30 миллионов. Таким образом, если объединить эти два условия, то с их помощью можно добиться больших изменений. Я имею в виду не только революционные изменения. Это относится ко всем видам политических изменений, которые могут быть осуществлены при мудром руководстве лидеров, направленном на достижение общего блага всех людей, благосостояния их страны, согласно ценностям, разделяемым народом, — при поддержке людей и мобилизации масс всего можно достичь. Нет границ изобретательности людей и возможным вариантам будущего любого общества.

Такова долгая история того, как я пришел к вопросам повседневной жизни, поскольку я смотрел с данной точки зрения не только на социальные изменения, большие трансформации, но на все социальные феномены. Если действительно задуматься — что такое группа? Что такое сообщество? Что такое клуб друзей или группа друзей? Или что такое ассоциация? Когда вы действительно серьезно задумаетесь над их значением, то это окажутся люди и их действия, их обычные действия. Семья — это люди, которые любят друг друга, заботятся о детях, связаны какими-то чувствами, чувством солидарности, которые распределяют обязанности внутри семьи и поступают сообразно культурному происхождению, в той или иной степени. Но у них есть общая семейная цель — обеспечить более или менее зажиточную жизнь, предоставить своим детям хорошие возможности и воспитать, обучить их, дать им образование. Этот набор действий формирует семью. Семья существует не на бумаге. Семья существует не в официальных списках того или иного административного учреждения. Семья — это действие. Семья существует только до тех пор, пока люди это делают. Если они прекращают свои действия, то случается развод, появляются распавшиеся семьи, семьи с одним родителем, возникает кризис семьи. Это верно и для любой другой группы. Группа студентов существует, только пока есть студенты и преподаватели делают то, что они обычно делают, то есть студенты слушают, учатся, а преподаватели учат.

А. Р.: Я хотел бы продолжить наш разговор вопросом о повседневной жизни. Расскажите, пожалуйста, о повседневной жизни Петра Штомпки. Как ваша повседневная жизнь организована? Как у обычных людей? Что является наиболее важным в вашей повседневной жизни?

Обычных. Да, вы правы, ученые тоже являются обычными людьми. Когда вы спрашиваете о моей повседневной жизни, то должны помнить о существовании двух факторов, которые следует учитывать. Первый фактор — это время. Существует большая разница в повседневной жизни молодого ученого, устремленного исследователя, пытающегося построить свою карьеру, и позднее, когда уже достиг какого-то уровня. Также большая разница в повседневной жизни, если ты находишься дома, или за границей, или в каком-либо еще месте, где ты учишься или преподаешь. Это принципиальные различия, так как меняется контекст. Жизненный контекст молодого человека совершенно отличен от контекста зрелого или уже пожилого ученого, об этом нужно помнить. Для ваших студентов или людей, окружающих вас, которые стараются достичь высокого уровня академической карьеры, я расскажу о повседневной жизни в свои ранние годы. Я был очень систематичен, всегда очень методичен. Прежде всего, у меня была четкая цель, а именно — я должен усердно работать, потому что нет другого пути стать кем-то, по крайней мере, нормального, законного пути, стать кем-то без действительно усердной работы. Академическая работа тяжела. Требуется большая дисциплина, самодисциплина, потому что, в отличие, скажем, от офисной работы, ты не можешь придти на работу в 8 и затем уйти в 4 вечера и все. Тебе необходимо мобилизовать себя, свои творческие силы, и сделать это можно единственно с помощью дисциплины, дисциплинированной воли. Метод, который я использовал в свои ранние годы и позднее, когда работал над своей докторской диссертацией и над диссертацией хабилитированного доктора, что является высшим уровнем докторской степени в моей стране, а затем при написании книг, — мой метод заключался в том, чтобы делать это очень систематично. То есть распределять время между преподаванием и другими обязанностями — административными и другими обязанностями в университете — и настоящей работой. Под настоящей работой я имею в виду творческое написание текстов, чтение и написание, потому что теоретическая работа главным образом в этом и заключается. Я распределял время. Например, обычно лучше всего я работаю с утра, я жаворонок. Я начинаю работать утром. Обычно я работаю дома, отчасти потому что у нас не очень хорошие условия в университетском корпусе, поэтому мне было удобнее работать дома. В то время я обычно вставал в 7 часов и делал зарядку, а потом садился за рабочий стол, точно в 8.30. Иногда это доходило до абсурда, я наспех завтракал, чтобы уйти в другую комнату и сесть за работу ровно в 8.30. Обычно я работал, в те дни, когда я мог распределить время для моей работы, до 2 часов. А после занимался всеми остальными делами. Я старался назначить занятия, если у меня были занятия в тот день, на вторую половину дня. Все остальные дела каким-то образом откладывались. Мне обычно удавалось выделить, по крайней мере, 3 дня на рабочей неделе для данного типа

работы. Конечно, с преподавательской нагрузкой ты не всегда можешь себе это позволить, но это был мой принцип, когда я был дома. Но наилучшие условия для написания хорошей работы, — когда ты свободен от преподавания и административных обязанностей. После получения докторской степени, когда у меня было уже некоторое международное признание, меня стали приглашать в центры для углубленных, специальных исследований. Это потрясающие места, так как у тебя там действительно есть время только для написания текстов и чтения. Ты не должен преподавать. Ты далеко от дома, поэтому у тебя нет никаких семейных обязанностей и административных обязанностей в университете. Ты просто сидишь там и работаешь. Мне повезло посетить некоторые из этих центров в Восточной, Западной Европе, в Будапеште, Нидерландах, Швеции, США, Германии. Каждый раз мне удавалось поехать на короткий период — я никогда не стремился уезжать на год или около того. Я себя плохо чувствую вдали от моей страны, моего дома, ландшафта, от всего того, что образует твою идентичность, имеет корни в твоей стране. Меня больше всего устраивал семестр. В течение одного семестра в такой обстановке я мог написать целую книгу без каких-либо проблем. Естественно, я приезжал подготовленным — прочитав достаточно литературы, уже имея все идеи.

Сейчас, должен признаться, я более расслаблен. Я не спешу в свой кабинет по утрам, я больше делаю физических упражнений. У меня различные виды тренажеров дома, для того, чтобы начать день с настоящих физических упражнений, потому что я верю в то, что это очень важно не только для физической формы, но и для умственного состояния. В здоровом теле здоровый дух — эту мудрость я усвоил и стараюсь ей следовать. Я также плаваю, катаюсь на велосипеде. И, к удивлению моих студентов, хотя я и профессор, но катаюсь на роликах. Я видел, многие катаются на роликах здесь, в Петербурге. Я начал кататься довольно рано, привез ролики в Польшу из одной из своих поездок в Калифорнию, где все катаются, и тоже стал кататься в Польше в городских парках, и люди удивлялись в то время. Это было ново, у меня были проблемы с собаками, потому что собаки не привыкли к виду высокого мужчины со всем этим снаряжением и шлемом и постоянно нападали на меня. У меня были проблемы с пожилыми дамами, но очень приятные проблемы, они подходили ко мне и говорили: «Знаете, я вам завидую». Они тоже хотели кататься. Таким образом, я сейчас не так сильно напрягаюсь в своей работе. Потому что я чувствую, что еще многое необходимо сделать, и, конечно, я не знаю, сколько времени мне дано судьбой. Но я уже не тороплюсь так, как раньше. Я не такой напористый, как раньше. Сейчас я тоже просыпаюсь рано, я всегда встаю рано. Обычно я начинаю, если у меня свободный день, я тоже выделяю утренние часы до обеда. В Польше у нас обед... обычно у нас обед в 2 часа или позднее. То есть все утро я посвящаю обдумыва-

нию, креативному мышлению перед компьютером или чтению — такого рода вещам. Я никогда не работаю ночью или поздно вечером. Я всегда стараюсь найти время, и раньше тоже старался, для прогулок, встреч с друзьями, посещения кафе на главной площади моего города, посещения театра, или концерта, или кинотеатра, или чтения. Знаете, для социолога очень важно заниматься другими вещами, а не только сидеть со своими книжками. Таким образом, это довольно разнообразный тип повседневного опыта.

Когда я бываю за границей, то очень люблю проводить много времени фотографируя, так как это тоже часть профессиональной жизни — смотреть, смотреть вокруг и видеть в определенной перспективе, в определенном ракурсе различные культуры, необычное поведение, различные пейзажи, архитектуру. Это очень важно для твоего социологического понимания. То есть я занимаюсь этим и для удовольствия, но и как частью профессиональной практики. Я достиг полупрофессионального уровня в фотографировании. У меня даже было несколько выставок в моем городе, обмен фотографиями.

А. Р.: *О! Профессиональная выставка или публичная?*

Публичная. Одна выставка была 2 года назад, она скромно называлась «Открытки из моих путешествий». Там были представлены 200 фотографий из 24 стран 4 континентов. Были как фотографии с пейзажами, прекрасными видами природы, так и с людьми. Я убежден в том, что в целом мир является очень захватывающим и очень красивым. Поэтому я всегда стараюсь поднять мой «Никон», когда вижу что-то действительно удивительное и красивое, будь то природа, люди, их поведение. Я не люблю фотографировать уродливые вещи. Должен признаться, что фотографирую предвзято. Я стараюсь запечатлеть светлые стороны жизни, которых думаю бесконечно. Некоторые СМИ заставляют людей верить в то, что мир наполнен только войнами, ужасными вещами, бедностью, голодом, кровью. Я, конечно же, думаю, что это ужасная сторона жизни, но не единственная. Люди могут быть счастливы, чувствовать себя удовлетворенными даже в скромных условиях, не обязательно лишь в мире роскошной жизни. И они находят для этого различные пути. Вы можете прекрасно себя чувствовать на живописном берегу моря, в лесу, или пустынных природных местах, так же, как и в красивом городе с множеством исторических памятников. Я стараюсь ухватить это. Это моя общая философия жизни, должен признаться.

А.Р.: *Очень интересно!*

Жизнь прекрасна. Вы должны ею наслаждаться. Вы должны получать от нее удовольствие. Жизнь имеет ценность, значимость только в том, что ты переживаешь, испытываешь. Конечно же, я как ученый не могу принять религиозных верований о других жизнях. Ученый не должен этого делать. Но в этой жизни на земле, мне кажется, жизнь ценна тем, что ты испытал, через что прошел, моментами восторга, но также, конечно, и моментами печали,

депрессии, трагическими моментами. У всех были трагические моменты в жизни. Это нормально. У меня была не очень успешная, непростая личная жизнь. Но все это делает жизнь ценной. Одна из жизненных стратегий, я думаю, заключается в провоцировании, в приложении усилий для того, чтобы эти моменты наступали, встречать жизнь лицом к лицу, не убегать, не ждать и смотреть. Потому что, ожидая и наблюдая, вы будете только ждать смерть. Вы должны что-то делать. Вы должны участвовать, получать новый опыт, искать новых людей, искать... новых собеседников. Я получаю огромное удовольствие, например, находясь здесь, в Санкт-Петербурге, разговаривая с новыми людьми — Андреем Резаевым, другими профессорами, студентами. Это обогащает. Это часть моей жизни.

А.Р.: Здесь возникает другой вопрос: что является вашей лабораторией социолога, лабораторией ученого, занимающегося созданием теорий? Как вы развиваете вашу теорию?

Очень много работы перед тем, чтобы появилась даже маленькая статья, не говоря уже о книге или новом видении проблемы. Безусловно, частично это удача, частично что-то необъяснимо возникающее — вдохновение, что-то вроде личной интуиции. Но я уверен, что ни вдохновение, ни интуиция не помогут без тяжелой предварительной, подготовительной работы. Под предварительной работой я подразумеваю чтение, изучение того, как другие люди размышляли о тех же вопросах. Под другими людьми я имею в виду классических ученых. Я многому научился у тех великих мастеров XIX века, которые начали работать в нашем научном поле. Я всегда пытался их серьезно изучать, и до сих пор убежден, что они не умерли. Я думаю, что они каким-то образом окружают нас, благодаря своим мудрым идеям. Это касается таких людей, как Огюст Конт, Герберт Спенсер, Карл Маркс, Макс Вебер, Георг Зиммель, Эмиль Дюркгейм, Вильфредо Парето, Джордж Герберт Мид, и многих других, формировавших перспективы социологической теории, создававших те концепции и идеи, с которыми мы до сих пор работаем. Я не считаю, что какие-то ученые должны быть забыты только потому, что мы сейчас верим, что практика, например политическая практика, поддержанная каким-то образом их идеями, неправильна. Они не были в этом виноваты, последующие поколения, вот кто стал виновен. Мы не должны забывать об их вкладе в осмысление общества. Я думаю, что концепция социального класса до сих пор очень актуальна, концепция господства очень актуальна, так же, как и концепция исключения, угнетения, и все то, что пришло из XIX века. Таким образом, прежде всего, следует достичь глубокого понимания классиков социологии. Потом, конечно же, продолжать. Если у вас есть тема, тогда вы начинаете отбирать литературу. Если вы занимаетесь проблемой интеракций, или межличностных коммуникаций, вы отбираете работы тех великих ученых, которые занимались этим. Вы обращаетесь к Чарльзу

Хортону Кули или Джорджу Герберту Миду, американской прагматической традиции. Чем больше вы читаете, тем лучше. Это очень простой совет. Чтения никогда не бывает достаточно. Но чтение... знаете, у меня есть две хитрости, или техники, которые я использую. Одна из техник — портить книги. Нехорошо это говорить студентам. Но если это ваша собственная книга, если она не из библиотеки, тогда делайте это, то есть используйте ваш карандаш или маркер, или что угодно и превратите вашу книгу в партнера, устройте диалог, делая там пометки маркером «что за глупость!», «идиотизм», или «великолепно», «замечательно». Вот идея, выделите ее. Используйте текст, относитесь к нему так, словно бы это был разговор, разговор с теми учеными, на плечах которых вы хотите стоять, чтобы стать кем-то. Потому что в науке вы не можете стать кем-либо без других ученых, которые были до вас. Вы в буквальном смысле должны стоять на их плечах и смотреть вперед, это отправная точка. Итак, чтение, чтение и пометки. А также записывайте ваши собственные мысли, не надеясь на то, что запомните их. Мы постоянно их забываем. У меня есть бумага специального формата, где я записываю мои идеи. Это обычная страница А4, на которой я фиксирую мои мысли, когда бы они ни возникли. Я записываю их во время чтения, прогулок, в любое время, когда у меня бывает озарение, я иду и записываю их на листке специального формата. Так я отличаю их от цитат. На половине страницы, например, я пишу точные цитаты. Если я нахожу какую-то особенно важную цитату, которая, видимо, будет полезной, я записываю ее на бумаге другого формата. Таким образом, я знаю, что является моими мыслями и неформальным разговором, а что — настоящей цитатой, к которой я должен указать библиографические данные и которую можно вставить в текст.

А. Р.: Вы пишете от руки...?

Да, я обычно пишу от руки. Я не делаю это на компьютере. Все еще. Однако я не стал бы придавать этому особое значение, потому что новое поколение, возможно, обнаружит, что гораздо проще делать это на компьютере. Инструмент не так важен, как принцип — то, что у вас есть определенный метод записи вашего собственного разговора с авторами, которых вы читаете, и с самим собой отдельно от цитат. Потом, когда накопится большое количество таких страниц и литературы, вы начинаете формулировать собственные ответы на проблему, или вопрос — социальное изменение, социальное становление, межличностные связи — какая бы ни была у вас проблема. Затем вы начинаете систематично прописывать основные положения. Я очень методичен в этом. Я учился юриспруденции, прежде чем пришел в социологию. Возможно, в этом причина того, что я чрезвычайно формален в своих схемах. Я, прежде всего, стараюсь создать рабочую логическую схему. Даже если это книга, то начинается она всего лишь с одной страницы: какова последовательность, логическая последовательность глав, которые

должны там быть. Но затем каждая глава превращается в отдельную страницу, две страницы, три страницы. Я пошагово делаю ее все более и более сложной, добавляются все более мелкие подзаголовки. К тому моменту, когда я непосредственно начинаю писать статью, я знаю, каким будет последнее предложение, потому что у меня есть план. План статьи будет приблизительно на 8 страниц машинописного текста, для книги он может достигать 40 страниц. И когда я затем сажусь писать, то просто реализую свой план. Я облакаю в слова то, что уже там есть. Конечно, там бывают изменения. По пути случаются изменения, поскольку это также творческий процесс. Но если нужны проценты, то 90 % времени уходит на подготовку, 10 % непосредственно на написание. Такая вот приблизительная пропорция. Поэтому, если я подготовлен и у меня есть возможность поехать за границу в какой-то центр, где я могу быть в стороне от других проблем, то я также работаю по утрам до обеда каждый день. У меня есть мой план, у меня есть собранные цитаты, поэтому мне не нужно везти с собой целую библиотеку. Компьютерного экрана достаточно. Когда я писал мою книгу «Социология: анализ общества», которая доступна на английском, а также на русском, и стала невероятно успешной в моей собственной стране, фактически каждый студент учится по этой книге в Польше, каждый студент-социолог. Но и в России, как я понимаю, люди тоже знают ее. Это огромная книга. Так вот, когда я начал ее писать, я жил в Голландии в лесу у моря, и передо мной был пустой экран компьютера. Я практически не привез никаких заметок, потому что многие годы преподавал это. Итак, у меня был план и мой педагогический опыт. Я сидел перед пустым экраном и начал писать. Каждый день я писал по 7–8 страниц. Таким образом, через месяц, полтора у меня была книга. Вот как обстоит дело. Но для подготовки потребовалось множество лекций по общей социологии как в Польше, так и в США, и в Австралии, и в других местах, где я преподавал так называемую «социологию-1». И я считаю важным преподавание этого странного вводного курса. Почему? Потому что он самый сложный. Люди убеждены, что преподавать эпистемологию Канта гораздо сложнее, чем элементарную социологию. Я не разделяю этого убеждения. Я уверен, что преподавать элементарные вещи сложнее всего, потому что тогда ты действительно должен понимать то, чему ты учишь. Вы действительно должны полностью разбираться, а не только цитировать и называть имена и т.д. Вы должны понимать, о чем это все, потому что перед вами дети, которые ничего, абсолютно ничего не знают о социологии, и вы должны вложить в их умы какое-то содержание. И вы знаете, удастся вам это или нет, потому что, глядя в их глаза, вы видите, что или они ничего не понимают, или они воодушевляются и неожиданно видят, что это интересно, и жизнь представляется в новом ракурсе.

А.Р.: Если можно, чтобы очертить этот круг полностью, как вы опишете ваш теоретический вклад в современную социологию? Если мы будем говорить о структурном функционализме, о социальных изменениях, культурной травме, затем об идее доверия, идее парадигмального сдвига...

Да. Но я попытаюсь сделать это проще, потому что, безусловно, только некоторые вещи становятся действительно значимыми в более широком поле разработки социологических теорий. Безусловно, у меня свой субъективный взгляд, ракурс, поэтому я не знаю, совпадает ли это с представлениями моих коллег. Но я должен сказать, что одна из центральных идей, которой я придерживался с самого начала, отражена в моей книге 1979 года под названием «Социологические дилеммы», идея о том, что в социологической теории имеются вводящие в заблуждение и ненужные оппозиции. Вы уже упомянули об одной из них — макро и микро. Но существуют и другие: оппозиция действия и структуры, оппозиция стабильности и изменения. Они представляют лишь аналитические отличия, реальная жизнь не допускает таких различий. Одна из моих ранних попыток была направлена на то, чтобы найти возможности соединить эти понятия, а не отделять друг от друга, — не в преподавании, а в понимании социального мира. Это более или менее постоянная область моих интересов, отраженная в ряде книг. Это интерес к поиску путей преодоления этих вводящих в заблуждение разграничений между проблемными областями, фокусами социологии, которые были введены ранними социологами, но которые необходимо синтезировать и преодолеть. Одним из замечательных примеров, конечно же, является оппозиция между действием и структурой, которая позднее стала предметом моей книги по теории социального становления, или общества в действии. Она привела также к новой проблеме повседневной жизни. Нельзя думать о социальной структуре как о чем-то твердом и неподвижном, о том, что навязывается сверху и не может быть изменено. Структуры — результат действий людей, они являются их продуктами. Конечно же, они устойчивы, существуют в течение длительного времени, порой дольше, чем продолжительность одной жизни, или даже поколения людей. Но, в конечном счете, они возникают в результате действий людей и существуют только до тех пор, пока есть эти действия. Не существует структур, если в этих структурах нет действий людей, если они не поддерживают эти структуры, если они не хотят их изменить, двумя способами, всегда доступными для людей. Один способ — отклонение или избегание структур; другой — инновация, то есть создание новых правил, новых ценностей, новых стилей жизни, новых идеологий, новых политических концепций и т.д. Таким образом, я думаю, что в действительности действие и структура фактически одно и то же. Посмотрите на другую оппозицию — стабильность и изменение, которую я изучал в моей книге «Социология социальных изменений», переведенной, кстати,

на русский язык (кажется, это была моя первая книга, опубликованная на русском). Это тоже обманчивая оппозиция, поскольку в социальной жизни нет стабильности как таковой, нет неизменных объектов, каждый момент социальной жизни — это движение, изменение. Само понятие «жизнь» указывает на это. Когда мы говорим «социальная жизнь», мы имеем в виду нечто подобное биологической жизни, согласно старому биологическому типу рассуждения в социологии, но если использовать это понятие чисто метафорически, это всего лишь означает, что ничего в обществе не является стабильным, что мы находимся в постоянном действии, процессе, изменении, движении. Мы постоянно задаем и меняем форму нашей социальной жизни. Жизнь — это процесс, потому что когда нет изменений, нет и жизни, она становится чем-то другим. То же самое верно и для общества. Общество находится в постоянном движении, начиная с уровня повседневного взаимодействия и до уровня экономических процессов, политической жизни, даже глобализованных процессов. Все течет, все изменяется. И я думаю, не случайно ведущие современные социологи используют такие концепции, как «структурация» (Энтони Гидденс), «фигурация» (Норберт Элиас), «социальное становление» (я сам), которые выражают динамичность. Оппозиция вводит в заблуждение. Когда Огюст Конт говорил о социальной статике и социальной динамике, он предлагал различие, вводящее в большое заблуждение, которое должно быть преодолено. В то время оно было полезно для социологии, но сегодня мы должны быть мудрее. Итак, один из ведущих мотивов всего написанного мною и всех моих книг состоял в том, что нам необходимо формировать теорию новыми способами. Другим мотивом была своеобразная эволюция, которую я прошел в собственных рассуждениях, минуя многие ступени, начиная с понятий системности, структурного функционализма, который на самом деле я сравнивал в ключевых аспектах с марксизмом, с марксистской теорией социальной системы, социально-экономической формации. Там было много общего. И когда я впервые написал книгу на английском языке и опубликовал ее в США, некоторые американские социологи были удивлены тем, что функционализм, который воспринимался радикальными левыми американскими студентами как консервативный подход, в какой-то степени очень похож на марксистское представление об обществе как системе, — системе, которая способна к самоорганизации, которая меняется в соответствии с некоторыми правилами истории, и т. д. Таким образом, я начал с этого и затем опускался все ниже и ниже, так сказать, к вопросам динамики и изменения. А затем, вдохновленный происходящим в моем собственном обществе и событиями 1980-х годов, я сильно заинтересовался социальными изменениями, идущими снизу, которые происходят в связи с мобилизацией масс в социальных движениях, в гражданском обществе, в общественных действиях и организациях. И мне повезло — я изучал

их вместе с лучшими специалистами по социальным движениям в США, в Анн Арборе, штат Мичиган, это, например, Тили, Моррис, с теми, кто занимался движением защиты гражданских прав, движением чернокожих.

А.Р.: Алдан Моррис?

Алдан Моррис, Чарльз Тили, некоторые другие, кто в то время формировал американскую теорию социальных движений. И я пытался использовать ее для Польского демократического движения, применять эти понятия. Я обобщил это в моей книге о том, как общество поднимается снизу, «Общество в действии», а также в теории социального становления.

Затем, вы, конечно, знаете, что каждый социолог является в каком-то смысле слугой своего собственного общества. Это также верно и в интеллектуальном смысле, так как вы оказываетесь окружены определенным опытом. И опыт, который сформировал часть моей теории, был опытом великих социальных движений 1980-х годов, которые привели к историческим изменениям в восточной Европе, а затем, немного позднее, в Советском Союзе. И я был свидетелем, я смотрел вокруг, слушал, поскольку частично работа каждого социолога состоит в том, чтобы просто смотреть вокруг, и слушать, и участвовать, и не только читать книги, но также читать людей. Читать людей, всматриваться в них, в то, что они делают, чего хотят. Я жил там, смотрел вокруг, и я вывел из этого теорию социального становления, а позднее теорию травмы. Поскольку я также видел первоначальный энтузиазм, я говорю о своей стране, не хотелось бы уж слишком обобщать, но тот невероятный энтузиазм в отношении изменений в Польше и чувство того, что все теперь доступно, что мы стоим на пороге процветания и свободы и западного типа общества.

А.Р.: Это как раз то, что происходило и в нашем обществе.

Мы верили в то, что станем второй Швецией, и это произойдет очень скоро. Или — второй Японией. Да, это прекрасно. Но, конечно же, это не может длиться вечно. Появляется то, что я называю «синдромом следующего утра». Вы знаете об этом из повседневной жизни.

А.Р.: Да.

«Следующее утро». На следующее утро вы внезапно возвращаетесь к вашей обыденной жизни и наступает прозрение. И люди в Польше тоже увидели, какие драматические проблемы возникают в результате перемен. Как неожиданно возникают явления, ранее неизвестные при социализме, реальном социализме, такие как безработица. Или же настоящая бедность в ее африканском или американском понимании, т.е. бездомность. При коммунизме у нас такого не было. Не подумайте, я никогда не являлся сторонником, я имею в виду ярым сторонником реального социализма, тем не менее, я должен признать, что тогда у нас не было бездомных. У нас почти не было безработицы. У нас было много социальных услуг, которые были доступны

простым людям, и им не нужно было платить сотни долларов, чтобы поехать в такие места, как Райвола. Они получали это бесплатно от производства, или от государства, без разницы. И это было травмой для людей, когда вдруг многое у них забрали и еще не дали нового, новых ценностей. Конечно же, для интеллектуалов, для людей, работающих в университетах, для писателей решающей была свобода. Свобода мысли, и свобода путешествовать, и свобода читать все, что хотелось читать и т.д. Конечно, для них это было решающим. Но для простых людей были важны многие другие вещи. Для них была не важна возможность читать зарубежные газеты, они этого никогда и не делали. Для них была не важна возможность поехать отдыхать на Ривьеру, они этого и раньше не делали, так зачем же? То, что было для них действительно важно, так это безопасность, чувство преемственности, и когда их не стало, это привело к травме, к посткоммунистической травме, которую я пытался понять с помощью своеобразной теории того, как все это развивалось. Но вы также знаете мое оптимистичное прочтение того, как это мобилизует людей на то, чтобы справиться с травмой. В случае Польши, я снова подчеркиваю, что не хочу высказываться по поводу иной страны, каждая страна своеобразна — другая история, другие обстоятельства, другое окружение, другая культура, — но в Польше я считаю травму, посткоммунистическую травму, в конечном счете, чрезвычайно позитивной. Поскольку она привела по крайней мере к двум поразительным реакциям. Первой было стремление к образованию. Мы переживали настоящий бум в университетах, в высшей школе. Тысячи студентов внезапно осознали, что знание является наилучшим капиталом. Это такой капитал, который вы не сможете потерять из-за революции, из-за перемен, который не заберет налоговая служба, потому что он у вас в голове. И они начали вкладывать в себя, в образовательный капитал — изучая языки, выезжая за границу по академическому обмену, пытаясь поднять свой уровень образования. И это прекрасно, потому что именно это и ведет к важным переменам. Демократии нужны образованные люди для работы, для любой работы. Итак, это одна реакция. Другой же был дух предпринимательства. Люди вдруг начали с нуля предпринимать что-то, чтобы организовать свою экономическую жизнь. Небольшие фермы, небольшой бизнес, семьи, собирающие небольшой капитал и, скажем, передающие его одному человеку для начала малого бизнеса и его дальнейшего развития. И я видел, как это постепенно развивалось в моей стране. Я снова не собираюсь сравнивать, но в моей стране все это происходило по эволюционному пути. Люди относительно рано создали сотни тысяч и на каком-то этапе несколько миллионов, 5 миллионов небольших фирм. И если вы поедете через Польшу, вы увидите бесчисленное количество небольших вывесок, говорящих, что люди там производят что-то, здесь производят что-то, там они что-то чинят, здесь — что-то готовят. И именно это подталкивает польскую экономику вперед.

А.Р.: Профессор, вы упомянули очень важные вещи — умение читать книги и умение читать людей. А что вы скажете насчет прочтения социологии? Каково нынешнее состояние социологии? Куда она движется? Каковы ее проблемы? Я имею в виду международную социологию. Вы были очень успешным президентом Международной социологической ассоциации, и, конечно, знаете об этом как никто другой.

Да. В первую очередь я хотел бы подчеркнуть, что важнейшей основой социологии является эмпирическая социология. Сам я этим не занимаюсь, но осознаю, что это, безусловно, главная ось исследования, потому что вы не можете просто сидеть в кресле и читать интересные книги, попивая виски, чтобы произвести социологическую теорию. Необходимо использовать эмпирический материал. Социология — это не просто спекуляция, социология должна опираться на надежные и релевантные эмпирические факты. Итак, эмпирическая социология — это ядро. Например, в МСА — Международной социологической ассоциации — у нас сегодня около 55 исследовательских комитетов, которые эмпирически делают социологические исследования. Между собой они разделяют труд по изучению, скажем, экономики, консюмеризма, культуры, городских центров и села, медицины, искусства — всего, что содержится в обществе. Они фокусируются на определенной сфере, изучая ее в сравнительной перспективе, эмпирически всеми доступными способами, которые может предложить им мир эмпирических исследований. Таким образом, большая часть реально действующей социологии происходит именно здесь. Такие люди, как я, которые предпочли теоретическую карьеру, являются редкостью. Я имею в виду, что их действительно немного, поскольку таким, как мы, тоже нужны эмпирические исследования. Я провел только одно эмпирическое исследование, посвященное доверию, некоторое время назад. Но в остальных случаях я не занимаюсь собственными исследованиями. Я читаю исследования, просматриваю статистику, стараюсь читать книги, основывающиеся на эмпирических исследованиях, иначе все это становится чистой спекуляцией и перестает быть значимым. Так, я сказал, что позитивной, чрезвычайно позитивной тенденцией в современной социологии является все более глубокий уход в эмпирическое понимание мира с помощью новых методологий. В этом отношении намечается некое изменение, так как довольно длительный период времени в социологии доминировали опросы, статистические исследования, количественные методы. Но сегодня, я полагаю, мы движемся в сторону большего осознания того, что эти статистические и количественные исследования на самом деле производят немного искусственную картину общества, поскольку они описывают некие концептуально выдуманные вещи. Например, если вы скажете, что существует неравенство, измеренное количеством денег, имеющихся у людей, то это будет статистическими данными. Но реальными данными будет

то, как люди это себе представляют, что они делают с деньгами, как они их зарабатывают, что они делают в повседневной жизни, как они представляют себе тех, кто находится по другую сторону, то есть как бедные представляют богатых, как богатые представляют и ведут себя по отношению к бедным — все это может быть схвачено только с помощью качественных методов, которые должны дополнять статистические и количественные методы. И мы наблюдаем большое количество изменений в этом отношении на уровне методов, эмпирических методов исследования. Мы видим, что все больше и больше людей обращается к фокус-группам, глубинным интервью, начинает использовать личные документы, такие как письма, истории жизни для социологического понимания, более глубокого понимания. Это также монографический метод, когда берется одна деревня, или одно сообщество, или одна группа, и изучается более углубленно, нежели статистически или же с помощью задавания поверхностных вопросов.

Кроме того, у нас есть новая заметная тенденция обращаться к визуальной социологии и использовать визуальные методы, по большому счету возвращаясь к раннему этапу социологии, когда наблюдение использовалось социальными антропологами, которые отправлялись на острова Тихого океана и просто наблюдали и записывали свои наблюдения. Сегодня мы может делать это и по отношению к современному обществу. Наблюдать, смотреть вокруг. И, конечно же, технические средства, с помощью которых вы снимаете сейчас, — фотоаппарат, который является моим любимым инструментом, или видеокамера, документальное кино, — невероятно важны. И мы наблюдаем то, что сейчас в социологической методологии называется «визуальный поворот», поворот, который только повышает ценность такого материала. Я считаю это очень интересным и крайне важным. И чтобы завершить эту мысль, я думаю, что социология до сих пор производит эмпирическую работу, обогащая свою методологию.

Ну и, конечно же, теория. Теория присутствует с самого начала социологии, и теория всегда проходит определенные стадии, определенные ступени. И я полагаю, что это не постоянно прогрессивное движение, есть и взлеты, и падения, движение вперед и возврат назад. В настоящий момент, я думаю, мы удачно преодолели крайне опасный период социологии, который мы называем постмодернизмом. Похоже, мы является пост-постмодернистами. Потому что на нас какое-то время так или иначе влияли идеи тех французских философов, которые, сидя в парижских кафе и размышляя об обществе, говорили нам, что невозможно никакое научное знание относительно социального бытия и что уже не возможны всеохватывающие повествования, всеохватывающие теории изменения, потому как все течет, все случайно, все можно понять только лишь с помощью интуиции т.п. Это очень деструктивные идеи, которые я ненавидел с самого начала, но, к счастью, они больше

не в моде. И все-таки мы чему-то научились за этот период, даже от постмодернистов. Мы узнали о некоторых чертах наших современных обществ, которые являются абсолютно новыми. И идея Гидденса о позднесовременном обществе, об обществе высокой современности, о рефлексивной модерности как новой фазе современного синдрома, который развивается вот уже два века. Это очень важно. Но теперь мы намного ближе к теориям, которые пытаются, как я полагаю, заглянуть глубже в суть вещей. А сутью вещей многие люди начинают считать человеческие действия, особенно действия в контексте, действия по отношению к другим, действия в окружении других людей. Это то, что я называю социальным существованием: люди всегда живут среди других, с другими, в стороне от других, против других в конфликте, в соперничестве, но также и в сотрудничестве, в любви, иногда — в ненависти, иногда в борьбе, но они никогда не бывают одни. Это является важнейшим элементом человеческой жизни. И ученые сегодня, — некоторые из моих зарубежных единомышленников, мы уже упоминали Гидденса, но также Джеффри Александер, другие американские ученые: Рэндалл Коллинс, Джонатан Тернер — движутся в одном направлении. Они движутся, — и я разделяю это стремление, я в том же движении теперь, теоретическом движении, — пытаюсь понять старые и важные вопросы социологии, такие как революции, большие изменения, большие структуры, грандиозные процессы, рассматривая их в новой перспективе, рассматривая их сквозь призму повседневного человеческого поведения, стремлений, верований, правил, норм, культурного контекста, в котором действуют люди, цивилизационных допущений, которые они принимают на веру и которые формируют их жизнь. Таким образом, надо найти новый способ, новый телескоп, сквозь который можно смотреть на социальную жизнь, понимая каждодневный опыт людей в сравнении, поскольку сравнение — это наилучший метод в контексте многообразия обществ. Но когда мы имеем дело со сравнением, мы уже меняем методологию. И, как мне кажется, в верном направлении, потому что общества изменились. Ранее большой проблемой было найти общее среди великого разнообразия обществ. Люди путешествовали на Тробрианские острова или в сердце амазонского леса и там пытались найти то, что является общим для всех людей, для человеческой природы. Они пытались найти схожее в великом множестве культур, укладов жизни, семей, привычек питания и чего бы то ни было. Что общего? И это было сравнение. Но теперь мы живем в мире, который предполагает абсолютно противоположное сравнение, а именно, почему в мире, который становится таким похожим, связанным глобализацией, культурными потоками, экономической зависимостью, военной зависимостью и всем прочим, почему же в нем остается так много разнообразия? Почему Россия так отличается от Польши? Почему Польша так отличается от Франции? Почему Китай так отлича-

ется от всех остальных? И это большой вопрос. И здесь требуется иной тип сравнения. Поиск различий в единообразии глобализованного мира. В этой макдональдизации, когда вы находите одни и те же продукты, одни и те же бренды, одни и те же машины, одни и те же привычки практически во всем мире. Как же случилось, что мы сохраняем столь много различий, и даже более того, как случилось, что эти различия еще более подчеркиваются сегодня простыми людьми? Потому что им нужно разнообразие, им нужна их самобытность, им нужны их корни, они хотят сохранить собственную историю, они хотят сохранить собственные особенности питания, они не желают Макдональдс на завтрак, они ценят разнообразие. Есть книга знаменитого польского режиссера, который хорошо известен в России, его зовут Занусси, Кшиштоф Занусси. Его фильмы известны в России, он преподает здесь в кинематографической школе в Москве и является действительно признанным человеком. Он написал книгу, когда мы собирались присоединиться к Европейскому Союзу, когда Польша входила в Европейский Союз. И в книге говорится: «Да. Давайте войдем в Европу, но только с нашим бигосом». Бигос — это традиционное польское блюдо — капуста, перемешанная с мясом и со всякими вкусоностями, иногда даже с медом и вином. Хорошо, давайте объединимся, но дайте нам сохранить наш уклад. И это и есть самое интересное для теоретического исследования. То же самое касается религии. Одной из причин нынешнего подъема фундаментализма, религиозного фундаментализма, является противостояние глобализации. Люди мобилизованы на защиту ислама ужасными способами, которые, конечно же, не могут найти ни оправдания, ни понимания, но они мобилизовались, так как чувствовали, что их религия находится под угрозой со стороны глобализации, западной культуры и т.п.

А. Р.: В ваших словах часто звучит вопрос «почему». Вам не кажется, что вопрос «почему» скорее принадлежит философии? Вы действительно считаете, что социология должна обращаться к этому вопросу, или, скорее, она должна иметь дело с вопросами «что», или «как», «как много, сколько»? И тогда каков наиболее сложный, или, может быть, самый актуальный вопрос сегодня для социолога? Или, возможно, у каждого общества есть собственный вопрос?

Прежде всего, я думаю, что социология должна пытаться ответить на все виды вопросов. Конечно же, вопрос, что является фактом, что является фактами общества — базовый. Вы должны выяснить, сколько таких людей, а сколько других, богатых и бедных, работающих и безработных, женщин и мужчин и т. д., сколько хороших семей, а сколько разбитых. И это крайне важно, все это решающие слагаемые социологического знания. Но это только начало. Следующий вопрос намного более сложный, а именно — как так вышло, скажем, что семья сегодня видоизменяется? Каков исторический

процесс? Каково соотношение фактов, которые привели к сегодняшней ситуации? Все это находится на уровне фактов. Вы обращаетесь к истории, скажем, российских семей и видите, как она менялась на протяжении веков, и вы сопоставляете это с изменениями в мире. Затем, конечно же, возникает вопрос «почему». И я полагаю, что это важнейший вопрос для социологии, а не только для философии. Философия задается экзистенциальными вопросами более глубокого рода: смысл пребывания человека на земле, или почему люди способны воспринимать и познавать мир и т.п. Это ключевые вопросы, но это не те вопросы, которыми должны задаваться социологи. Социологи должны задавать вопросы, почему случаются определенные события, почему происходят определенные процессы, почему случаются революции, почему на каком-то этапе люди проявляют недовольство и мобилизуются, хотя веками они могли оставаться невозмутимыми, даже если условия их жизни были не особенно хорошими. Тысячи вопросов. Но важнейшим вопросом социологических наук является вопрос «почему», так как это единственный вопрос, который приводит к обобщенному теоретическому ответу, к некой модели. Только если у вас есть ответ на вопрос «почему», вы можете продвинуться дальше, сделать прогноз, по крайней мере, попытаться предположить, каким будет будущее, и можете контролировать его, в смысле — помогать будущему свершиться. Антонио Грамши, марксист итальянской школы, очень прозорливо заметил, что в социологии можно предсказывать изменение, только действуя ради изменения, и для этого нужна некоторая схема. Схемы появляются у теоретических социологов, когда они отвечают на вопрос «почему», когда они сводят все эмпирические факты в одну модель, показывающую, как функционирует общество, как общество меняется. Обладая этим, вы можете предсказывать, а также иметь средства для осуществления изменений, для контроля над изменениями, для внедрения политики. Не существует более важного вопроса в науке, в том числе в социальной науке, чем вопрос «почему». Зная, почему нечто происходит, вы знаете, что произойдет, и вы можете что-то с этим сделать. Это и есть сфера теории.

Вы также спросили меня, каковы важнейшие проблемы в теории сегодня. И, конечно же, у нас есть этот список, мы даже провели эмпирическое исследование на эту тему, на каком-то этапе в Международной социологической ассоциации мы опросили более 3000 ученых по всему миру, задавая ваш вопрос: «Каков рейтинг той или иной темы?». Все это происходило несколько лет назад, и на тот момент рейтинг был следующим. Да, это было 6 лет назад. Но нужно внести его в исторический контекст десятилетней давности. На первом месте была глобализация, на втором — посткоммунизм и трансформация России, постсоветских республик и Восточной Европы, третье место занимала идентичность и далее по списку. На сегодняшний мо-

мент, мне кажется, мы уже наелись понятием глобализации. Этот феномен был значительно изучен, существует большое количество хороших теорий и подходов. Конечно, нам нужно знать больше. Но, вероятно, это уже не является самым важным вопросом сегодня. На данный момент мы уже глубоко продвинулись по пути посткоммунистических преобразований, 20 лет или около того, и конечно, пути различных обществ разошлись. Один из самых захватывающих теоретических вопросов — «почему»? Почему посткоммунистический мир настолько различается, несмотря на то, что он был создан по одной модели, где-то оригинальной, где-то навязанной, но очень похожей в экономике, политике. И явившееся результатом этого великое разнообразие постсоветских, а также восточноевропейских обществ, удивительно. Это до сих пор является важным вопросом в пространстве посткоммунистических обществ.

Но сегодня, я думаю, мы входим в фазу, когда вопрос идентичности становится центральным вопросом для теории, для социологической теории. В данный момент я чувствую именно это. Почему и как случилось, каким образом люди сохраняют некоторые из своих корней, какое-то чувство идентичности, солидарности с другими? Как они определяют категорию «мы»? «Мы» — это самое важное местоимение в любом языке, если рассуждать социологически. Мы. Кто такие «мы»? И чем «мы» отличаемся от «них»? Как и почему мы создаем эти границы, а иногда их уничтожаем? Например, как вы знаете, в Европе сегодня разрушаются реальные границы: пограничники с собаками и досмотрами и т.п. Но люди возводят границы другими, новыми способами, строя собственные жизни, собственные многоуровневые идентичности. Самым важным вопросом сегодня является проблема идентичности как многоуровневого феномена, от семейного и локального уровня до городского или сельского, регионального, национального, ведь до сих пор национальные идентичности невероятно важны в нашем мире, несмотря на все разговоры о конце государства и т.п. Но сегодня мы находимся на том этапе, когда мы выходим за рамки этого, когда устремляемся к некой цивилизационной идентичности, которая вмещает много наций. Я до сих пор чувствую себя больше дома, когда еду в Россию из Польши, чем когда еду, скажем, в Японию. У нас есть некоторого рода цивилизационная идентичность, наше общее историческое прошлое, одни и те же писатели, которых мы читали, одни и те же композиторы, которых мы слушали и т.п. И эта цивилизационная идентичность очень важна. Но даже более того, мы можем подняться на уровень глобальной идентичности, которая сегодня обсуждается под именем космополитичной идентичности. Ведь только подумайте о такой вещи, как права человека. Это является знаком того, что мы начинаем думать о «нас» как о людях. Подумайте об экологии, движении против изменения климата и за защиту природы. Таким образом, мы начинаем вос-

принимать себя не как поляков, русских, китайцев, но как людей, обеспокоенных образом будущего мира. Суть того, что я сказал, состоит в том, что самое интересное — это выяснить, как все это формируется, как вырабатываются эти идентичности, но также и как появляются новые границы. Потому как у нас также есть собственные «они». Сейчас «мы» определяем «их» по-другому, но у нас остаются те, кому мы противостоям. Для многих людей это исламский мир, терроризм. Иногда это могут быть другие границы. Но я полагаю, что это центральный концепт в социологии. И я должен признаться, что мое предложение для следующей летней школы как раз связано с этим кругом вопросов.

А.Р.: Да, закрытые сообщества, границы, барьеры. Как люди разделяются, оставаясь людьми.

Также существует вопрос языка. Каким образом у нас появился этот общий язык, который пришел из одного источника, но сегодня обособился от политического или иного контекста, и сегодня, сидя на балконе, недалеко от Петербурга, мы можем беседовать на английском языке?

А.Р.: Это значит, что в следующем году мы продолжим наш разговор и наше интервью, и мы узнаем больше о границах. Но я бы хотел попросить вас продолжить ту линию, которую вы только что начали. Какой вы представляете себе символическую сборную социологов, которые могли бы обратиться к этим социологическим проблемам сегодня? Вы уже упоминали ваших коллег. Команда лучших социологов, на которых должны равняться студенты и те, кто интересуется социологией?

Знаете, я вас разочарую, потому что я полагаю, что это очень часто вопрос нераскрытого таланта. Я не думаю, что лучшие социологи рождаются только в США, в Британии, Франции или Германии. Почему? Так как я верю в то, что талант естественным образом распределяется более или менее равномерно. Бог был в каком-то смысле поборником равноправия, когда создавал человека, если, конечно, вы верите в Бога или Судьбу, или во что бы то ни было. Я не считаю, что талант находится только в центрах, в ядре, в современном ядре. Проблема ученых, конечно же, является исторической. Например, вопрос доступа. Доступа к идеям, а это уже языковая проблема. И доминирование на раннем этапе социологии западных языков, конечно же, создало определенную возможность для западных ученых стать заметными в мире. Лучший совет, который я могу дать любому, кто так или иначе хочет попасть в этот список, который вы так хотите составить, — писать на международно признанных языках. Среди них английский — лучший вариант, самый практичный, но французский тоже в этом списке, испанский также становится важным. Язык, который распространяется шире вашего собственного общества, даже такого многочисленного и важного, как российское, все равно ограничен в международном охвате. Я уверен, что лучшая страте-

гия — это попытаться войти в международный мир ученых и, участвуя в нем, повысить свой статус. И вы уже знаете мою собственную стратегию, которую я выбрал, когда решил, как уже говорил, что хочу жить в Польше, быть польским ученым и не эмигрировать, не играть второстепенных ролей в каком-нибудь из ключевых центров мира. У меня есть мои корни, моя страна и т.п. Я хочу оставаться здесь, но также быть в мире. Моей стратегией было писать на английском языке в течение вот уже 20 лет моей карьеры. Я писал и публиковался исключительно на английском. И в Польше знали обо мне немного, гораздо меньше, чем на Западе и даже в России, поскольку вы читаете скорее книги на английском, чем на польском. Это и было моей стратегией выхода в свет. Только позднее я стал ощущать, что на самом деле мои работы переведены сегодня на 14 языков, я имею в виду и статьи, и книги, которые вышли на 14 языках. И это здорово. Но за мной долг, который я должен выплатить моим землякам в Польше, особенно моим студентам. И тогда я начал писать на польском, я бы сказал, это произошло лишь десять лет тому назад. Я начал писать по преимуществу на польском. Я также пытаюсь время от времени писать что-то на английском, чтобы не выпасть из ядра, но теперь я очень счастлив и горжусь тем, что мои студенты читают мои книги на польском. Я выпустил книгу о доверии. Я опубликовал ее давным-давно в Америке, но сейчас я опубликовал ее в Польше в польской версии, написанной заново, обогащенной и очень близкой проблемам моего общества, одной из которых стала проблема недоверия и подозрения по отношению к политикам и политическим элитам. И мне кажется, что написание книги об этом для поляков является частью моего гражданского служения, а не только моего профессионального академического служения. Так, я опубликовал книгу, которая является более или менее доступной, я узнал, что она скоро будет опубликована в России. Может быть, это поможет кому-нибудь понять, насколько доверие является важным ресурсом и как общество истощается, как оно беднеет, когда в его жизни, повседневной жизни, недостаточно доверия.

А.Р.: Вы меня совсем не разочаровали, потому что я с вами согласен по этому вопросу.

Я уже упоминал имена, есть группа друзей, с которыми я работаю. И теперь и вы в нее включены.

А. Р.: Большое спасибо. Я имел в виду, что если я молодой социолог и я знаю, что существуют книги, которые нужно прочесть, они должны быть включены в этот список. Не только классика, но и современные. А также существуют книги, которые вы в какой-то момент просто откладываете на потом.

В общем, как я полагаю, вам следует читать книги, которые хорошо написаны, которые можно понять. Если вы, будучи студентом или дипломиро-

ванным социологом, сталкиваетесь с книгой, вы уже подготовлены, и вы берете книгу и читаете ее: «Бог мой! Какая же она сложная. Сотни новых концепций, идей, я не могу понять ни слова». Выкиньте ее в мусорную корзину. Не читайте ее, не тратьте свое время зря. Потому что люди, у которых есть, что вам сказать, скажут это просто и понятно. Читайте книги, которые легко читаются и понятны. И в социологии есть хорошие примеры подобных книг. Моим учителем, и я сам воспитываю подобные качества мышления и письма, был Роберт К. Мертон. Роберт К. Мертон, хотя он уже умер и хотя это ученый XX, а не XIX века, это тот автор, которого бы я порекомендовал прочесть всем. И это не только из-за его идей, но также из-за стиля мышления, из-за чистоты мысли, из-за красоты языка, с помощью которых можно писать социологию. Не стоит писать эзотерических книг, которые приносят славу только из-за того, что другие люди вас не понимают и стыдятся в этом признаться. И, как вы знаете, это очень типично для постмодернистов. Они становятся популярными. Потому что люди, которые их читают, думают: «ну, я ничего не понимаю, но в этом стыдно признаться, и поэтому я должен поверить, что это великолепно и замечательно». Конечно же, Мертон до сих пор является превосходным классическим введением во многие социологические концепции. Но, конечно, есть и другие ученые: Пьер Бурдьё во Франции, прочесть которого я бы порекомендовал любому, потому что он одновременно и очень глубокий ученый-эмпирик и выдающийся теоретик, — также существуют ученые, которые прекрасно передали понятие глобализации, среди них Мануэль Кастанельс будет одним из тех, кого легко читать и понимать, но при этом он сохраняет широту картины. Я подумываю над тесным профессиональным сотрудничеством с Джеффри Александером и пытаюсь убедить его писать немного более понятно. Но он, тем не менее, находится среди тех, кого я бы обязательно считал важными фигурами сегодня для понимания некоторых важных теоретических идей, особенно в сфере социологии культуры, именно на эту сферу, как я полагаю, он действительно повлиял: понимание культуры, культурных правил, культурных проблем жизни. Существуют ученые в исторической социологии, которых я бы с удовольствием снова порекомендовал, Чарльз Тили, например. Я уже упоминал его, его тоже уже нет в живых. Его исторические исследования разнообразны, и это потрясающее чтение. Ну, и, конечно же, у вас в России тоже есть свои великие мастера, например, Питирим Сорокин, я прочел и многое узнал из работ Питирима Сорокина, несмотря на то, что он ученый первой половины XX века. И для многих студентов он уже стал историей. Тем не менее, он оставил великое наследие глубокого социологического понимания в различных аспектах: культурном, цивилизационном, но также и в изучении революций, и, с другой стороны, в изучении неравенства, стратификации. Конечно же, иногда трудно предугадать заранее, что станет хо-

рошей книгой, но я действительно считаю, что хорошие книги — те, которые не устаревают. Вы будете читать хорошие книги, даже если им уже 50 лет, так же, как вы слушаете Бетховена и Чайковского, и Баха, несмотря на то, что они уже давно мертвы. Великие вещи остаются.

А. Тавровский: *А среди недавно вышедших книг по повседневности, что бы вы порекомендовали? Какие книги поразили вас? Книги, которые были интересны с точки зрения эмпирического материала? Или теоретического подхода?*

Вы знаете, существует целый спектр книг, которые имеют дело с небольшими элементами, с небольшими темами в этой крайне широкой сфере. И каждый месяц книга выходит за книгой. Возможно, сегодня в литературе я бы сделал некоторую выборку. И эти книги описывают многие вещи. Также они предоставляют какие-то эмпирические подходы. Но если вы хотите действительно провести теоретическое исследование, пока что не появилось ничего нового. Но есть развитие, что-то вот-вот произойдет. Я бы тоже очень хотел внести свою лепту, если позволит Судьба. Но если вы действительно хотите попасть в эту сферу исследования, в этом случае три автора для вас будут абсолютно необходимы. Ирвинг Гоффман — я не знаю, сколько его работ переведено на русский, но это автор, который занимает ключевую позицию в данной сфере, у него самое большое количество идей, касающихся повседневности, из всех, о ком я могу подумать. Также существует социологическая школа, близкая к философии, которую мы называем феноменологической социологией, Альфред Шюц, например, но, конечно, эта линия идет от Гуссерля и других представителей феноменологической школы, поскольку они тоже пытаются проникнуть в глубины понимания тривиального повседневного существования. И также немного менее понятный, но если вы его прочтете... в нем много шероховатости и несистематизированности, я имею в виду Гарольда Гарфинкеля и этнометодологию. И эти трое для меня — отцы-основатели. Кроме того, Норберт Элиас и его многочисленные книги, особенно книга о том, чем занимается социология и т.п. Он также близок к этому видению. Так что можно сказать — четыре, четыре классических мастера. Прибавим к этому некоторые недавно вышедшие книги. Джеффри Александер развивает что-то в этом отношении и его йельская группа культурной социологии. Также существуют некоторые разработки во Франции у Люка Болтански, некоторых учеников Турена, Бурдые. Со временем все это кристаллизуется. Но до сих пор это то, что мы называем новейшей социологией. Вот почему мы изучаем все это в Санкт-Петербургской школе. Поскольку нам нужно изучать современность.

А. Т.: *А Мишель де Серто? Его изучение практик повседневности?*

Без сомнения, да. Он является одним из классиков, но более философского толка, больше на стороне философии. Анри Лефевр также хорошо

вписывается в эти рамки со своим марксистским опытом. Много других людей. Но я упомянул лишь тех, кто с социологической точки зрения могут быть определены, как социологи.

А. Р.: Вы упомянули, что ваши работы переведены на 14 языков, и на русский в том числе. Вы были в Москве, в Санкт-Петербурге. Вам удается следить за развитием социологии в России?

Да, конечно, я очень в этом заинтересован. И Россия — это одна из величайших лабораторий в мире в смысле социального изменения. По крайней мере, в этом отношении она является одной из самых больших и серьезных лабораторий.

А. Р., А. Т.: Большое спасибо за то, что согласились дать интервью для «Журнала социологии и социальной антропологии».

**Летняя школа по социологии повседневности,
Райвола, 13 июля 2009 года**

*Интервью подготовили и провели А.В. Резаев, А.В. Тавровский
Перевод с английского Л.С. Панкратовой и Л.Е. Шатохиной*

БИОГРАФИЯ

Профессор **Петр Штомпка** родился 2 марта 1944 г. в г. Варшаве, Польша

Образование

M.A. in Law, Jagiellonian University, Krakow, Poland, 1966

M.A. in Sociology, 1967

Ph.D. in Social sciences, 1970

Post-graduate fellowship at the University of California Berkeley and Harvard University, 1972-73

Tenure (habilitation and 'docent' degree) at the University of Krakow, 1974

Full professor ('extraordinary'), an academic title conferred by the Council of the State, 1980

University professor ('ordinary'), the highest academic title in Poland conferred by the President of the country, 1987

Научно-исследовательская и преподавательская деятельность

В Польше

Head of the Chair on Theoretical Sociology, Jagiellonian University, 1975-

Head of the Center for Analysis of Social Change "Europe '89", 1996-

Lecturer, J.Tischners European University at Krakow, 2002-

Lecturer, Graduate School of Social Sciences, Polish Academy of Sciences, Warsaw, 1991- 2001

В других странах

— Fulbright Postdoctoral Fellow, The University of California at Berkeley and Harvard University, 1972/73

- Visiting Professor (Summer Sessions), Columbia University, New York, 1975,76,77,78,79
- Special Visiting Research Professor, The Johns Hopkins University, School of Advanced International Studies, Bologna, Italy, 1981/82 and Spring 1991
- Fellow of the American Council of Learned Societies (ACLS) at the University of Michigan, Ann Arbor, 1984/85
- Visiting Professor (Spring Quarter), University of California at Los Angeles, 1987-88
- Fellow, St.Catherine's College, Oxford (Trinity Term), 1988
- Visiting Professor (Summer Session), University of California at Los Angeles (UCLA), 1988-1996
- Visiting Professor at the University of Tasmania at Hobart, Spring 1999
- Fellow of the Swedish Collegium for Advanced Studies in the Social Sciences (SCASS) at Uppsala, May-June 1990 and March-June 1992
- Fellow, Institute for Advanced Studies at Vienna, December 1993
- Fellow, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), November-December 1994, November-December 1996
- Fellow, Wissenschaftskolleg zu Berlin, Center for Advanced Study, Spring 1998
- Fellow, Institute for Advanced Study in Behavioral Sciences at Stanford, January-May 1999
- Guest of the Rector, Collegium Budapest - Institute for Advanced Study, February 2001, Fellow, 2002-2003
- Guest of the Rector, Netherlands Institute for Advanced Studies (NIAS), April-June 2001, fellow of NIAS – Spring 2004.
- Lecturer, College of Europe, Bruges, 2001-2002, 2003-2004, 2004-2005
- Visiting Professor at Sodertorns University College, Stockholm, February-June 2007 and May 2008
- Visiting Professor at Zeppelin University Friedrichshafen, August – December 2008

Общественная деятельность и членство в научных ассоциациях

- Polish Academy of Science, correspondent member, 1994-, ordinary member, 2002-
- Polish Academy of Letters and Sciences (PAU), active member, 1992- (correspondent member 1990-)
- Academia Europaea (London), member, 1990-
- American Academy of Arts and Sciences, honorary foreign member, 1996-
- International Sociological Association (ISA), member, 1967-
  - Member of the Executive Committee ISA, 1994-1998
  - Vice-President of ISA for Program, 1998-2002
  - President of ISA, 2002 - 2006
  - Research Committee on Sociological Theory, ISA, co-founder and co-chairman from 1986-94, member of the Board, 1994-2002

Членство в редакционных советах

- Editorial Committee of The European Journal of Social Theory (Edinburgh)
- Editorial Board of Current Sociology (the Journal of ISA)
- Editorial Council of Studia Socjologiczne (Warsaw)
- Editorial Board of Mobilization (San Diego)

- Editorial Board of Studies in Communism and Post-Communism (Los Angeles)
- Editorial Board of the European Review (London)
- Comite d'Honneur Archives Europeennes de Sociologie (Paris)
- Advisory Board Journal of Sociology (Adelaide, Australia)
- International Advisory Board The British Journal of Sociology (London)
- Editorial Advisory Board The Polish Sociological Review
- Editorial Board Comparative Sociology (Tokyo, Cambridge)

Академические награды

- “New Europe Prize for Education and Research”, 1995 (granted by six European and American Institutes for Advanced Studies)
- Special academic prize of the Prime Minister of Poland, 1995 and 2001
- Pitirim Sorokin’s Prize for Outstanding Achievements in Sociology awarded by the Russian Sociological Association, 2005
- Honorary Doctor of the Russian State Social University, Moscow, 2005
- The Academic Prize of the Foundation for Polish Science (the highest in Poland, known as the “Polish Nobel”), 2006
- Medal Merentibus of the Jagiellonian University (the highest honour of the school), 2006
- The Prize of the Allianz Insurance Company in the category “Science”, 2008
- Seven times the laureate of the Prize for Scientific Achievements of the Polish Minister of Science and Higher Education (last time 2009)

Публикации

Монографии

- Analiza funkcjonalna w socjologii i antropologii społecznej, (Functional Analysis in Sociology and Social Anthropology, in Polish). Kraków: Ossolineum, 1971.
- Teoria i wyjaśnienie: z metodologicznych problemów socjologii, (Theory and Explanation: Methodological Problems of Sociology, in Polish). Warszawa: Polish Scientific Publishers, 1973.
- System and Function: Toward a Theory of Society. New York: Academic Press, 1974.
- Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm. New York: Academic Press, 1979.
- Robert K. Merton: An Intellectual Profile. London: Macmillan Press; New York: St. Martin’s Press, 1986.
- Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press; Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- The Sociology of Social Change. Oxford: Basil Blackwell, 1993.
- (рус. пер. Социология социальных изменений. Москва: Аспект Пресс, 1996 (2-е изд. 2005)).
- La Fiducia nella societa post-communiste. Messina: Rubbettino Editore, 1996.
- Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Trauma wielkiej zmiany (The Trauma of Great Change, in Polish). Warszawa: Institute of Political Sciences, 2000.
- Socjologia: analiza społeczeństwa (Sociology: Analysis of Society, in Polish). Kraków: Znak Publishers, 2002.
- (рус. пер. Социология: анализ общества. Москва: Логос, 2005 (2-е изд. 2006)).

Socjologia wizualna: fotografia jako metoda badawcza (Visual Sociology: Photography as a Research Method). Warszawa: Polish Scientific Publishers, 2005. (рус. пер. Визуальная социология. Москва: Логос, 2007)

Zaufanie: fundament społeczeństwa (Trust: the Foundation of Society, in Polish). Kraków: Znak Publishers, 2007.

Visual Imagination: Photography as the Sociological Tool (in preparation)

Книги под редакцией и в соавторстве

Metodologiczne podstawy socjologii: wybór tekstów (Methodological Foundations of Sociology, in Polish) / ed. by P. Sztompka. Kraków: Jagiellonian University Press, 1980.

Elementy socjologii dialektycznej. (Elements of a Dialectic Sociology, in Polish) / ed. by P. Sztompka. Poznań: Polish Scientific Publishers, 1981.

Masters of Polish Sociology / ed. by P. Sztompka. Wrocław: Ossolineum Publishers, 1984.

The New Technological Challenge and Socialist Societies / ed. by P. Sztompka. Kraków: Jagiellonian University Press, 1987.

Rethinking Progress / ed. by J. Alexander and P. Sztompka. London and New York: Unwin & Hyman, 1990.

Momenti della sociologia polacca. Roma: Goliatrica Editrice, 1991 (co-authored with A. Flis and J. Mucha).

Sociology in Europe: In Search of Identity / ed. by B. Nedelmann and P. Sztompka. Berlin and New York: De Gruyter, 1993.

Agency and Structure: Reorienting Sociological Theory / ed. by P. Sztompka. New York: Gordon & Breach, 1994.

R.K. Merton on Science and Social Structure / ed. by P. Sztompka. Chicago: Chicago University Press, 1996.

Building Open Society and Perspectives of Sociology in East-Central Europe / ed. by P. Sztompka. Montreal: University of Quebec Press, 1998.

Imponderabilia wielkiej zmiany. (Imponderables of Great Change, in Polish) / ed. by P. Sztompka. Warszawa-Kraków: Polish Scientific Publishers, 1999.

Images of the World: Science, Humanities and Art / ed. by A. Koj and P. Sztompka. Kraków: Jagiellonian University Press, 2001.

Rozmowa o wielkiej przemianie (Conversation about the Great Change, in Polish). Warszawa: WSPiZ Publishers, 2004. (co-authored by A.K. Koźmiński and P. Sztompka).

Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: California University Press, 2005. (co-authored with J. Alexander, B. Giesen, R. Eyerman, and N. Smelser)

Socjologia: lektury (Sociology: Readings, in Polish) / ed. by P. Sztompka and M. Kucia, Kraków: Znak Publishers, 2005.

Socjologia codzienności (Sociology of the Everyday) / ed. by P. Sztompka and M. Bogunia-Borowska, Kraków: Znak Publishers, 2008.

Избранные статьи

На английском языке

Teleological Language in Sociology // The Polish Sociological Bulletin. 1969. No. 2, pp. 56-69.

The Logic of Functional Analysis in Sociology and Social Anthropology // The Quality and Quantity: European Journal of Methodology. 1971. No. 5, pp.113-131.

Some Conditions of Applicability of Sociological Knowledge // *The Polish Sociological Bulletin*. 1971. No. 1, pp. 4-17.

Strategy of Theory-Construction in Sociology // J. Wiatr (ed.) *Polish Essays in the Methodology of the Social Sciences*. Dordrecht: Reidel, 1979, pp. 173-194.

Meta-theoretical Dilemmas of the Social Sciences: The Case of Sociology // L. J. Cohen (ed.) *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Amsterdam: North Holland Publishers, 1982, pp. 377-390.

The Dialectics of Spontaneity and Planning in Sociological Theory // U. Himmelstrand (ed.) *Spontaneity and Planning in Social Development*. Beverly Hills: Sage, 1981, pp.15-27.

The Global Crisis and the Reflexiveness of the Social System // *The International Journal of Comparative Sociology*. 1984. No. 1-2, pp. 45-58.

R.K. Merton's Constructive Destruction of the Sociology of Knowledge // *The Polish Sociological Bulletin*. 1984. No. 1-4, pp. 59-71.

Some Aspects of Florian Znaniecki's Philosophy of the Social Sciences // *Philosophy of the Social Sciences*. 1986. No. 4, pp. 441-458

The Renaissance of Historical Orientation in Sociology // *International Sociology*. 1986. No. 3, pp. 321-338.

Social Movements: Structures in Statu Nascendi // *The Polish Sociological Bulletin*. 1987. No. 2, pp. 5-26.

Conceptual Frameworks in Comparative Inquiry: Divergent or Convergent? // *International Sociology*. 1988. Vol. 3. No. 3. September, pp. 207-218 (reprinted in: *Globalization, Knowledge and Society* // ed. by M. Albrow and E. King. London: Sage, 1990, pp. 47-60.

From Malinowski to Merton: A Case-Study in the Transmission of Ideas // R. Ellen et al. (eds.) *Malinowski Between Two Worlds*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, pp. 52-64.

Three Concepts of Human Agency: Pre-modern, Modern and Post-modern // C. Mongardini (ed.). *Moderno e Postmoderno*. Rome: Bulzoni, 1989, pp. 201-206.

Agency and Progress // J. Alexander, P. Sztompka (ed.) *Rethinking Progress: Social Theory at the End of the 20th Century*. London and New York: Unwin & Hyman, 1990.

Robert K. Merton's Systematic Social Theory // Robert Merton: *Consensus and Controversy* / ed. by J. Clark, S. Modgils and C. Modgils. London: Falmer Press, 1990.

Robert K. Merton's Four Concepts of Anomie // C. Mongardini, S. Taboni (eds.). *L'Opera di R.K. Merton e la Sociologia Contemporanea*, Genova: Edizioni Culturali Internazionali, 1989, pp. 177-188.

Social Movements: Structures in Statu Nascendi // *International Review of Sociology*. 1989. No. 2, pp. 124-155.

Agency and Revolution // *International Sociology*. 1990. No. 2. June, pp. 129-144.

Many Sociologies for One World: The Case for Grand Theory and Theoretical Pluralism // *The Polish Sociological Bulletin*. 1991. No. 3, pp. 147-158.

The Theory of Social Becoming: An Outline of the Conception // *The Polish Sociological Bulletin*. 1991. No. 4, pp. 269-279.

Intangibles and Imponderables of the Transition to Democracy // *Studies in Comparative Communism*. 1991. Vol. 3. September, pp. 295-312.

Dilemmas of the Great Transition // *The Johns Hopkins University Bologna Center. Occasional Paper Series*. 1992. No. 74. September, 28 pp.

Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // *Zeitschrift fuer Soziologie*. 1993. Heft 2, April, pp. 85-95.

Lessons of Post-Communist Transition for Sociological Theories of Change // J. Coenen-Huther and B. Synak (eds.). *Post-Communist Poland: From Totalitarianism to Democracy?* Commack, NY: Nova Science Publishers, 1993.

Cultural and Civilizational Change: The Core of Post-Communist Transition // B. Grancelli (ed.). *Social Change and Modernization*. Berlin-New York: De Gruyter, 1995, pp. 235-247.

Cultural and Civilizational Transformations in Eastern-Central Europe // *Management of Cultural Pluralism in Europe* / ed. J. Dacyl. Stockholm: Stockholm University Press, 1995, pp. 71-86.

Trust and Emerging Democracy: Lessons from Poland // *International Sociology*. 1996. Vol. 11. No. 1, pp. 37-62.

Looking Back: The Year 1989 as a Cultural and Civilizational Break // *Communist and Post-Communist Studies*. 1996. Vol. 29. No. 2, pp. 115-129.

Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy // *The European Journal of Social Theory*. 1998. Vol. 1. No. 1, pp. 19-32.

Social Becoming, Neo-Modernization and the Focus on Culture // *Sociologie et Societes*. 1998. Vol. 30. No. 1, pp. 77-87.

Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // *Real Civil Societies* / ed. by J. Alexander, London: Sage 1998, pp. 191-210.

The Cultural Imponderables of Rapid Social Change: Trust, Loyalty, Solidarity // *Polish Sociological Review*. 1998. Nr. 1, pp. 45-56.

The Cultural Core of Post-Communist Transformations // *European Societies: Fusion or Fission* / ed. by T. Boje. London: Routledge, 1999, pp. 205-215.

Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // *The European Journal of Social Theory*. 2000. No. 4, pp. 449-466.

The Ambivalence of Social Change: Triumph or Trauma? // *The Polish Sociological Review*. 2000. Nr. 3, pp. 275-290.

“Robert K. Merton”, w: G. Ritzer (red.), *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*, Oxford, Blackwell 2000, ss. 435-456

Shaping Sociological Imagination: The Importance of Theory // *Social Science Theories in Adult Education Research* / A. Bron, M. Schemmann. Bochum: LIT Verlag 2001, pp. 21-40.

On the Decaying Moral Space. Is There a Way Out? // *European Review*. 2002. Vol. 10. No. 1, pp. 63-72.

European Integration as Cultural Opportunity: On Morality, Identity and Trust // *The Polish Foreign Affairs Digest*. 2002. Vol. 2. No. 4, pp. 77-86.

The Condition of Sociology in East-Central Europe // *Three Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe* / ed. by M. Kaase, V. Sparschuh. Berlin: Gesis, 2002, pp. 548-558.

Trust: a Cultural Resource // *The Moral Fabric in Contemporary Society*. Leiden and Boston: Brill, 2003, pp. 47-67.

Of my Master-at-a-Distance Turned Friend // *Items: Journal of the Social Science Research Council*. 2003. Vol. 4. No. 2-3, pp. 18-20.

From East-Europeans to Europeans: Shifting Collective Identities and Symbolic Boundaries in the New Europe // *European Review*. 2004. Vol. 12. No. 4, pp. 481-496.

Shaping Sociological Imagination: The Importance of Theory // *Self, Social Structure and Beliefs* / ed. by J. Alexander, G.T. Marx and C.I. Williams. Berkeley: California University Press, 2004, pp. 254-268.

The Trauma of Social Change: A Case of Postcommunist Societies // Cultural Trauma and Collective Identity / ed. by J. Alexander, R. Eyerman, N. Smelser and P. Sztompka. Berkeley: California University Press, 2004, pp. 155-195.

Eastern Europe: At the Crossroads of Three Historical Processes // The Consequences of Great Transformation / ed. by M. Niezgodny. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2004, pp. 14-19.

Europe Strikes Back // European Review. 2005. Vol. 13. No. 2, pp. 165-169.

American Hegemony Looks Different from Eastern Europe // Contexts: the Journal of American Sociological Association. 2005. Vol. 4. No. 2, pp. 31-34.

Cognition, Expectation, Action // Archives Europeennes de Sociologie. 2005. Vol. 46. No. 5, pp. 432-437.

Trust in a Globalizing Society // Cultural Change, Social Problems and Knowledge Society, ed. by C. Marcuello i J.L. Fandos. Zaragoza: Prezas Universitarias de Zaragoza, 2006, pp. 21-40.

New Perspectives on Trust // American Journal of Sociology. 2006. No. 3, pp. 905-919.

Interview with Piotr Sztompka // International Sociology. 2006. Vol. 21. No. 6, pp. 822-829.

Trust in Science // Journal of Classical Sociology. 2007. No. 2, pp. 211-220.

Coming in From the Cold: My Road from Socialism to Sociology // Sociologists in a Global Age: Biographical Perspectives / ed. by M. Deflem. Burlington: Ashgate 2007, pp. 189-202

Worrying About Trust // European Review. 2007. Vol.15. No. 2, pp. 147-152.

Return to Values in Recent Sociological Theory // The Polish Sociological Review. 2007. No. 3, pp. 247-261.

The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1, pp. 23-37.

“Scientific Ethos and Trust in Science // Why Chemistry? Krakow: wyd. PAN, 2008, pp. 13-21.

The Ambivalence of Social Change in Post-Communist Societies // A. Śliz i M.S. Szczepański. Czy koniec socjalizmu? Warszawa: wyd. Scholar, 2008, ss. 36-57.

Review essay on Mattei Dogan (ed.) // Political Mistrust and Discrediting of Politicians, and M. Cleary, S. Stokes. Democracy and the Culture of Scepticism // International Sociology. 2008. March, pp. 215-221.

The Assault Badly Misses the Mark // Philosophy of the Social Sciences. 2009. Vol. 39. June, pp. 260-266.

One Sociology or Many? // The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions / ed. by Sujata Patel. Sage, 2010, pp. 21-29.

На русском языке

Структура теоретического познания в социологии // Теоретическое и эмпирическое познание в социологии / под ред. В. Добрианова и др. София, 1982. С. 64-72.

Общественная структура как основная категория теоретического анализа в марксизме // Методологические проблемы общественных наук / под ред. А. Поликарова. София, 1983. С. 93-99.

Марксова модель человека // Методологические проблемы общественных наук / под ред. А. Поликарова. София, 1983. С. 100-106.

Много социологий для одного мира // Социологические исследования. 1991. № 2. 13-23.

Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12.

Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3-13.

Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. 2001. № 1.

Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64-72.

Альтернативы великого перехода // Общая социология. Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин; Пер. В.Г. Кузьминов; Под общ. ред. Н.И. Лапина — М.: Высш. шк., 2006. С. 753-777.

В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-13.